

УЗБЕКИСТАН И КАЗАХСТАН:

БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО?

Мурат Лаумулин, Фарход Толипов

From: Farkhod Tolipov

To: Murat Laumulin

Subject: Roots of Antagonism

Добрый день, уважаемый Мурат Турарович!

Очень приятно, что появилась возможность обсудить столь занятую тему. Дело в том, что тезис о так называемом соперничестве Узбекистана и Казахстана за лидерство в регионе Центральной Азии (ЦА) распространился достаточно широко и тем самым заметно искажил представления о реальной ситуации и характере отношений между государствами региона. Этот ложный стереотип повлиял как на политические позиции, так и научные подходы к изучению сложных процессов в ЦА. Введение этого тезиса в интенсивный научный и политический оборот даже привело к тому, что в него настолько поверили в обеих странах, что признаки соперничества появились там, где их не было и быть не могло.

Соперничество Казахстана и Узбекистана за лидерство – это миф, который может стать *бессмысленной реальностью*, так как может отвлечь внимание и ресурсы от *смысловой реальности*, то есть положения дел и насущных проблем региона. Если и есть у кого-то мечта стать лидером, то она останется несбыточной.

Стоит поставить вопрос о смысле самого понятия *лидерства* и о том, в чем, где и когда проявилось это соперничество, так сразу же обнаруживается эта *бессмысленная реальность*.

На самом деле, понятие *лидер* может иметь несколько смыслов: лидер как гегемон (всевластный субъект), лидер как ведущий (остальные – ведомые), лидер как пример (авторитет), лидер как просто успешный (продвинутый). Условно, их можно охарактеризовать так: первый обладает физической властью, второй обладает юридической властью, третий – нормативной властью, четвертый – никакой.

К настоящему времени в ЦА есть лишь последний вариант лидера, в перспективе может быть третий, но ни в коем случае не первый и не второй.

В свое время идею о предполагаемом соперничестве между Узбекистаном и Казахстаном *впрыснули*, американские *друзья Узбекистана*. Американские ученые, скорее, констатировали наметившуюся тенденцию, которая на самом деле обязана своим происхождением *остаточной*, инерционной геополитике, проводимой Россией. Збигнев Бжезинский, например, признавая наличие соперничества, писал в своей книге «Большая шахматная доска», что антагонизм между Исламом Каримовым и Нурсултаном Назарбаевым всегда пользовался Кремль, который стремился разыгрывать одного против другого. Но он же пишет далее, что эти президенты впоследствии пришли к пониманию необходимости сотрудничества и координации своей внешней политики ради сохранения своего суверенитета.

С другой стороны, в российских аналитических кругах не просто констатировали факт соперничества, но и рекомендовали российским властям его поддерживать и стимулировать. Хочу напомнить, в этой связи, одну крупную статью в *Независимой газете* от 26 марта 1997 г. под названием «СНГ: начало или конец истории». Приведу одну цитату из этой статьи:

«Интеграция внутри ЦАС подрывает интересы российской экономики в регионе, а курс на подчинение экономик постсоветских государств развитым странам Запада и Юга не оставляет места для России. России следует сконцентрироваться на расшатывании складывающегося блока (ЦАС), его расколе и усилении внутрирегионального соперничества. Взаимное недоверие, порожденное стремлением Назарбаева и Каримова к лидерству в среднеазиатских республиках, не раз ставило под вопрос существование Центральноазиатского союза. Игра на личных амбициях этих лидеров способна реально изменить всю политическую карту региона...»[1].

С глубоким уважением,

Фарход Толипов

From: Murat Laumulin

To: Farkhod Tolipov

Subject: Re: Roots of Antagonism

Здравствуйтесь, уважаемый Фарход Фазилович!

Благодарю Вас за интересное вступление! В самом деле, что значит быть региональным лидером? Чтобы быть лидером, необходимо располагать соответствующими ресурсами – экономическими, военно-политическими, стратегическими; иметь привлекательную идеологию, имидж и тому подобное. Ничем похожим ни Казахстан, ни Узбекистан не располагают. Более того, даже Россия, если бы она попыталась завоевать ума и сердца в регионе, уже не смогла бы сыграть роль регионального лидера. Увы, времена прошли...

Действительно, создается впечатление, что кто-то будто специально впрыснул в свое время идею о предполагаемом соперничестве между Узбекистаном и Казахстаном. Это, по-видимому, произошло еще в начале 1990-х гг. Как мне представляется, это действительно были *друзья Узбекистана* – Грэм Фуллер, Марта Олкотт, Ширин Акинер, Джеймс Кричлоу и, естественно, Збигнев Бжезинский, который провозгласил Узбекистан «центральноазиатским аналогом Украины», то есть государством, могущим противостоять амбициям Москвы. В то же время Казахстан априори рассматривался как пророссийское государство.

Тем не менее, элементы соперничества налицо. Здесь и исторический контекст (отношения между земледельцами и кочевниками), и персональное соперничество лидеров (что было, то было – еще в эпоху Кунаева-Рашидова, потом это по традиции переместилось в эпоху Назарбаева-Каримова), и различие в моделях развития и т.д.

Узбекистан является уникальной страной центральноазиатского региона. Это единственная республика, которая граничит со всеми остальными государствами Центральной Азии. На территории всех без исключения соседей Узбекистана, включая Афганистан, проживают крупные общины этнических узбеков. Эти факторы не могли не повлиять на характер внешней политики Ташкента и его отношений с соседями, который, безусловно, весьма специфичен.

Отношение внешнего мира к Узбекистану сразу же после распада СССР формировалось в благоприятных условиях. Для Запада Узбекистан казался страной, располагающей относительно крупным демографическим и экономическим потенциалом, чтобы противостоять восстановлению Россией своих позиций в ЦА.

Для мусульманского Востока Узбекистан был наследником и хранителем тысячелетних традиций, связанных с блистательным исламским прошлым региона, обладателем таких мусульманских святынь как Бухара и Самарканд. В Узбекистане видели также вторую по численности тюркскую страну в мире. Для азиатского Востока Узбекистан представлял собой густонаселенную страну с сохранившимися традициями культуры и этики упорного и методичного труда, то есть своего рода центральноазиатским аналогом восточноазиатских *тигров* (новых индустриальных государств). Предполагалось, что при создании благоприятного инвестиционного климата и импорта соответствующих технологий Узбекистан повторит путь стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии.

Однако всем этим надеждам не суждено было сбыться: Узбекистан доказал, что действительно остается самым настоящим постсоветским государством со всеми вытекающими из этого факта последствиями. В экономике был сделан упор на формирование модели государственного капитализма, которая вскоре эволюционировала в экономику кланового типа.

Во внутренней политике сложился режим личной власти президента Ислама Каримова. Основатель современного узбекского государства в свое время пришел к власти с согласия Москвы, но на фоне национально-демократических настроений, свойственных всем национальным республикам СССР в эпоху перестройки. Уже к 1994 г. Ислам Каримов полностью очистил политическое поле от *светской* оппозиции. Но на смену демократам позднесоветской волны пришла оппозиция исламского характера, которая впервые открыто заявила о себе в феврале 1999 г., совершив неудачное покушение на Ислама Каримова. С этого времени исламская оппозиция, которую власти официально называют *ваххабитами*, становится самым непреклонным противником режима. Период 2002-2005 гг. характеризуется постоянными терактами, нападениями на посольства западных государств, участников антитеррористической коалиции.

Конец 1990-х и начало 2000-х гг. – это время бурных социальных волнений в Узбекистане, вызванных серьезными проблемами в экономике, крушением экономических реформ, низким уровнем жизни населения, постоянным вмешательством государства в экономическую жизнь, непоследовательной валютно-финансовой политикой Ташкента. Апофеозом социального напряжения и роста влияния исламского подполья стала кровавая драма в Андижане в мае 2005 г. Жесткое подавление восстания привело к резкому ухудшению отношений Ташкента с Западом.

Во внешней политике Ислам Каримов взял на вооружение принцип постоянного *раскачивания* между различными центрами силы. Сближение с Западом, которое обычно длилось два-три года, сменялось охлаждением отношений,

сближением с Россией и возвращением в интеграционные структуры СНГ. На протяжении своей современной истории Ташкент последовательно портил или серьезно охлаждал отношения со всеми соседями по региону, партнерами и потенциальными союзниками – всеми республиками ЦА, Россией, Турцией, Ираном, США и Евросоюзом, а также международными финансовыми институтами, ОБСЕ и НАТО. Возможно, единственным исключением из этого ряда были отношения Республики Узбекистан с КНР, хотя и они видели моменты падения и охлаждения.

При этом следует отдать должное проводимому Каримовым последовательному внешнеполитическому курсу, который заключался в том, чтобы при любых условиях сохранить свободу от любой формы внешней зависимости и самостоятельность Ташкента в принятии решений, даже если возникла непосредственная угроза безопасности и стабильности страны, как это имело место в сложные 1999-2001 гг.

Казахстан же – девятое в мире и второе по территории государство СНГ после России и одна из самых богатых стран по природным ресурсам. Казахстан рассматривается как самое стабильное из всех постсоветских государств.

В 2003 г. совокупный ВВП Казахстана превысил суммарный ВВП всех остальных центральноазиатских республик. С этого момента все открыто заговорили о Казахстане как о лидере в своем регионе. В 2004 г. США и Запад признали в Казахстане государство с рыночной экономикой. В 2005 г. Вашингтон и Запад в лице своих ведущих политиков, бывших и действующих, а также представителей крупного бизнеса фактически легитимизировали Казахстан и его политический режим. Таким способом произошло своего рода принятие Казахстана в *клуб состоявшихся государств*. Но для того, чтобы это произошло, Казахстану, его правящему классу и элитам пришлось пройти долгий и сложный путь, во время которого приходилось решать геополитические проблемы, устранять многочисленные угрозы внутривнутриполитической стабильности, разрешать экономические ребусы и осуществлять сложные проекты. На это ушло полтора десятилетия.

Внешняя и внутренняя политика Казахстана в первое десятилетие после обретения независимости формировалась в жестко детерминированных условиях. Сегодня можно утверждать, что выбор у казахстанского руководства был. Но это был выбор между меньшим и большим злом, между плохим и очень плохим. В условиях геополитического, экономического и политического хаоса начала 1990-х гг. логика выживания и сохранения стабильности толкала Казахстан к созданию такой модели поведения, которая с минимальными потерями позволяла бы выходить из сложных ситуаций, в которые загоняла страну геополитика и противоречивые интересы крупных игроков.

В Казахстане официально используется термин *многовекторная дипломатия*, который был введен в оборот впервые в середине 1990-х гг. На самом деле, за многовекторностью крылось балансирование между различными геополитическими центрами силы, оказывавшими влияние на Казахстан и в целом на Центральную Азию.

В казахстанском обществе сложилось за последние годы крайне индифферентное отношение к Узбекистану (раньше доминировало раздражение, которое вспыхивало после каждой пограничной или таможенной *выходки* Ташкента). Сегодня Узбекистан в нашем обществе воспринимается не как лидер или даже соперник, а вообще никак не воспринимается. СМИ пытаются искусственно подогреть интерес к политике Узбекистана, в том числе за счет пресловутой темы соперничества, но это уже мало кому интересно. Все привыкли, что после очередного раунда объятий и дружбы неизбежно наступит очередной период отхода Узбекистана от договоренностей со странами ЕвразЭС и ОДКБ. Поэтому внешнюю политику Узбекистана при всей ее нелогичности понимают, но воспринимать всерьез не стремятся.

С уважением,

Мурат Лаумулин

From: Farkhod Tolipov

To: Murat Laumulin

Subject: Re: Re: Roots of Antagonism

Уважаемый Мурат Турарович,

Соперничество, если оно и проявляется в чем-то, – преходящее явление. Это пережиток, во многом обусловленный постсоветскими амбициями бывших советских лидеров. Когда пройдет постсоветская эйфория независимости и закончится пресловутый переходный период, тогда вступят в действие иные движущие силы регионального развития. Новое поколение руководителей столкнется с еще большим воздействием глобализации и регионализации, с фактом, как говорил Збигнев Бжезинский, политического пробуждения масс. А пока надо, так сказать, подвергнуть ревизии положение дел как в двусторонних отношениях, так и в регионе, провести инвентаризацию активов, потому что два персонифицированных политических режима – это одновременно те государства, которые несут особую ответственность за судьбу ЦА.

Не только Узбекистан доказал, что действительно остается самым настоящим постсоветским государством со всеми вытекающими из этого факта последствиями, но и Казахстан. В Казахстане, как и в Узбекистане, сложился режим неограниченной власти президента. Казахстанцы даже опередили Узбекистан в умении имитировать демократию, предоставив президенту право избираться на неограниченное количество сроков. Насколько я знаю, в настоящее время обсуждается идея объявления Нурсултана Назарбаева пожизненным президентом. В этом деле Казахстан действительно стал лидером в ЦА. Ирония вопроса состоит в том, что это государство, которое демонстрирует пренебрежение демократическими принципами, станет в следующем году Председателем ОБСЕ.

Что касается лидерства и его проявлений, то обращает на себя внимание одно интересное обстоятельство: о ключевой роли Узбекистана говорят практически все официальные лица, которые посещают регион или в отдельности Узбекистан, а сами руководители или научные круги Узбекистана о лидерстве своего государства почти не упоминают. А в Казахстане мы наблюдаем обратную ситуацию: на официальном уровне и, особенно, среди политологов в последнее время постоянно слышны высказывания о мифическом лидерстве Казахстана в регионе, в то время как западные лидеры об этом говорят значительно реже.

Складывается *бессмысленная реальность*. Если и судить о лидерстве того или иного государства, важно в сравнительном плане проанализировать конкретные внешнеполитические действия обоих государств и эффективность этих действий.

Согласен, что казахстанская *многовекторность* скрывает балансирование между различными геополитическими центрами силы, оказывавшими влияние на Центральную Азию. Вместе с тем, наблюдается и *многовекторность наизнанку* – увлечение Казахстана громкими, но неадекватными инициативами, такими как, например, Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Этот форум, начиная со смысла самого названия, кончая конкретными практическими делами, обречен на то, чтобы остаться примером *многовекторного внешнеполитического прожекторства*. Такая же участь постигла и несостоявшуюся идею Нурсултана Назарбаева о Евразийском союзе.

Нельзя не отметить в этом ряду известную инициативу (или инициативы) Назарбаева о создании Центральноазиатского союза. Благодаря этой идее Казахстан действительно мог стать лидером в ЦА. Однако эта идея Назарбаева, став частью многовекторности, утонула в ней вместо того, чтобы стать приоритетным, главным направлением внешней политики РК. Казахстан не обратил внимания на то, что *Центральная Азия, Евразия, Европа и Азия* – не равноценные понятия. Внешней политике Казахстана все время был присущ некий эклектицизм.

Узбекистан тоже отличился своими *достижениями*. Провозгласив концепцию «Туркестан – наш общий дом» и первоначально выступив глашатаем центральноазиатского объединения, Узбекистан мало что сделал на практике для этого. Напротив, он заминировал некоторые участки своей границы с Кыргызстаном и Таджикистаном, ввел визовый режим в отношении своих соседей (за исключением Казахстана), а также не смог, как лидер, достичь согласия с ними в вопросе распределения водных ресурсов в регионе.

Что же касается международных инициатив Узбекистана, то, в отличие от Казахстана, они все же были более *приземленными*, а потому более близкими к *смысловой реальности*, хотя и не всегда удачными и эффективными. Можно вспомнить, к примеру, ряд обращений Ислама Каримова к мировому сообществу в стремлении обратить его внимание к проблеме Афганистана или предложение о создании антитеррористического центра при ООН. Да и в отношении интеграции в рамках СНГ Узбекистан выражал позицию, что это не безусловный процесс, а обусловленный.

Головокружение от успехов (иногда сомнительных, как отмечают экономисты) породило у казахстанцев комплекс лидера, который может смело позиционировать себя как состоявшееся государство. А Узбекистан, не имея таких *впечатляющих* успехов, позиционирует себя как государство, которое может *круто* менять свой курс и заставлять мировые державы с этим считаться. Так кто же лидер?

Вы, Мурат Турарович, правы, когда отмечаете, что «в 2003 г. совокупный ВВП Казахстана превысил суммарный ВВП всех остальных центральноазиатских республик». Но правда еще состоит в том, что в 2008 г. темпы роста ВВП Узбекистана, по признанию Мирового банка, были самыми высокими среди стран СНГ.

Узбекистан стремится вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). Что это даст? Доступ на мировые рынки, уменьшение вероятности дискриминации и антидемпинговых действий, повышение уровня жизни населения благодаря либерализации торгового режима. Контроль со стороны ВТО будет способствовать ограничению проявлений лоббирования частных интересов и уменьшению протекционизма. Что препятствует? Расхождения по методам промышленной политики. Непрозрачность государственного регулирования. Противоречие государственного регулирования принципам рыночного регулирования.

Члены ВТО (в том числе Россия, Украина или Казахстан в будущем) могут потребовать от Узбекистана дальнейшей либерализации внешней торговли, к чему Узбекистан еще не готов, а также соответствия стандартам, которые установлены в ВТО (законодательство, таможенные тарифы, цены). Какими могут быть последствия? Банкротство некоторых предприятий (или отраслей экономики), рост безработицы из-за неконкурентоспособности, проблема защиты интеллектуальной собственности и борьбы с пиратством.

С учетом того, что вступление Узбекистана в ЕврАзЭС потребовало, помимо прочего, изменения национального законодательства, к чему Узбекистан не был еще готов, то к вступлению в ВТО он тем более еще не готов.

Кто же лидер?

Ф. Толипов

From: Murat Laumulin

To: Farkhod Tolipov

Subject: History

Уважаемый Фарход,

Предлагаю Вам оторваться от современности и немного уйти в историю. На отношения между Казахстаном и Узбекистаном подспудное влияние оказывает (или оказывал) исторический контекст. Давайте немного погрузимся в него.

В разные периоды совместной истории казахи подвергались насмешкам со стороны своих соседей по региону. После присоединения Казахстана сначала к царской, а потом к советской России, когда казахи очередной раз стали предметом насмешек со стороны своих более традиционных соседей, упорно не желавших расставаться с исламом и другими атрибутами своего средневекового образа жизни. Но если ранее соседи осмеивали кочевой образ жизни, то теперь над казахами потешались, ставя им в вину чрезмерную русификацию, хотя в реальности речь шла лишь о модернизации. Справедливости ради следует сказать, что в той или иной степени модернизация затронула все народы Средней Азии, но только казахи сумели превратить ее в реальный инструмент для строительства моста в будущее.

Это стало ясно через несколько лет после получения независимости. В то время как Казахстан уверенно проводил экономические реформы, а казахская элита эффективно инвестировала в постсоветскую рыночную модернизацию свой богатейший человеческий потенциал в лице подготовленных в рыночном духе и мыслящих по-западному представителей молодого поколения, его соседи сосредоточились на возвращении к историческим корням. На практике это означало возрождение архаичных общественных институтов и отношений, исламизацию и деградацию системы образования.

Этот разрыв между казахами и их соседями стал полностью очевиден уже в начале нового века. Больше никому в голову не приходило смеяться или хотя бы свысока смотреть на потомков необузданных кочевников. Наоборот, сотни тысяч потомков гордых носителей *древней исламской цивилизации* устремились в Казахстан в поисках работы, рынков сбыта для своих фруктов и вообще лучшей доли. Очень быстро они превратились в неотъемлемую часть местной экономики, заняв в ней наименее престижные ниши. Сходные процессы имели место и в России.

Надо отдать должное казахам, которые не взяли в привычку унижать или смеяться над *новыми гастарбайтерами*, хотя и использовали их с выгодой для себя, но стали мудро готовиться к тому времени, когда их соседи начнут выбираться из экономической ямы, в которую их привели амбиции и неудачное управление собственными правительствами. Это еще раз подтверждает истину, что исторически приобретенная казахами толерантность и гибкость приводит, если правильно воспринять уроки истории, к мудрости. Однако порой цена бывает слишком высокой. Казахи, как никто другой, знают цену этой истине.

Со временем казахская элита приучила своих русских и западных партнеров говорить с собой на равных. Сегодня самой большой загадкой и самым большим вызовом для них являются китайцы, с которыми экономическая и политическая необходимость заставляет вести дела. Но казахи не забыли и свое восточное происхождение. Поэтому шансы на то, что казахи не позволят превратить свой диалог с китайцами в их монолог, чрезвычайно высоки.

При этом казахи, не обольщаясь текущими успехами и не уподобляясь известному персонажу из басни Лафонтена, которого можно было купить на лесть, всегда помнят, как к ним относились в прошлом соседи. Свое мнение о них они дипломатично хранят молча – помня о прошлом, но думая о будущем.

С уважением,

Мурат Лаумулин